

Глава 2. Боль утраты

Сознание Чэнь Цина померкло. В голове оставалась лишь одна мысль: он должен поддержать мать. Она очень дорожила своим достоинством и, очевидно, не хотела, чтобы кто-то увидел её в таком состоянии.

Заставляя себя сохранять спокойствие, он крепко сжал руку тётушки Сун.

— Мама, мама, успокойся. Давай сначала узнаем, что случилось.

Тётушка Сун вцепилась в его пальцы так, словно от этого зависела её жизнь. Вместе они подошли к мужчине, который принёс вести и, похоже, отвечал за всё происходящее.

Обычно Чэнь Цин был самым тихим парнем в деревне. Замкнутый, нелюдимый — он всегда избегал лишних разговоров. Но сейчас, когда мать была на грани срыва, ему пришлось заговорить.

— Простите... Мэн Тао из деревни Лохэ... что с ним случилось? — его голос дрогнул, предательски выдав дрожь.

— О, я как раз вас и искал, — чиновник сверился с бумажным списком, сделал пометку и начал читать вслух:

— «Мэн Тао из деревни Лохэ пал в бою у Гупинского перевала в двенадцатый год эпохи Чжаохуа. Государство назначает пособие — десять лянов. Кто оставит отпечаток?»

Он уже достал из рукава мешочек, набитый серебряными лянми. Но ни Чэнь Цин, ни тётя Сун не протянули руку.

— Давайте быстрее, у меня дела, — нетерпеливо буркнул чиновник. Увидев, что они не двигаются, он попытался схватить Чэнь Цина за руку, чтобы подтолкнуть вперёд. Но кто-то остановил его.

— Я разберусь, — вздохнул Чжоу Юань. Взгляд его скользнул по оцепеневшим фигурам.

Чиновник, благодарный за то, что неприятная работа перекладывается на другого, что-то пробормотал и ушёл пить чай. Чжоу Юань поднял мешочек и протянул его. Тот казался тяжёлым, словно весил тысячу цзиней.

— Мои соболезнования.

Чэнь Цин не ответил. Лишь поднял глаза, увидел стоящего перед собой человека и снова опустил голову. А тётушка Сун, уставившись на серебро, выменянное на жизнь её сына, уже не могла больше держаться. Она рухнула без сознания.

Чэнь Цин успел подхватить её одной рукой и дрожащими пальцами забрал мешочек. Затем, взвалив мать на спину, последовал указаниям Чжоу Юаня и поставил отпечаток в реестре.

С десятью лянми серебра в одной руке и матерью, потерянной от горя, на спине, Чэнь Цин будто стоял отдельно от всего мира. Вокруг звучали радостные крики, смех, плач от счастья — семьи встречали вернувшихся. Лишь они двое казались чужими в этом праздничном шуме.

Чжоу Юань смотрел им вслед, на худого парня, несущего свою мать, и думал, какой горькой станет их дальнейшая жизнь.

Затем он повернулся к чиновнику, пришедшему с ними. Писарь всё искал его и наконец подвёл к старосте деревни Лохэ.

— Староста, это Чжоу Юань. Он проявил себя в боях. Раз у него нет семьи, двор определил ему новое место жительства здесь, выделил участок земли и пять му пахотной земли.

Староста уже давно всё знал, поэтому и не удивился. Он выбрал место под дом и приготовил участок — оставалось только дожидаться прибытия самого Чжоу Юаня.

Чжоу Юань поблагодарил его. Не желая задерживаться в этой тяжёлой атмосфере, он сказал чиновнику, что отправляется в уезд искать мастера, ведь он всё ещё жил на постоялом дворе, а первым делом ему нужен был собственный дом.

Праздничная суэта деревни не имела никакого отношения к маленькой семье Чэнь Цина. Из десяти мужчин, ушедших на войну, только Мэн Тао не вернулся.

Чэнь Цин уложил мать на кровать. В руке он сжимал похоронные десять лянов. Для него это была не просто сумма — это были все надежды его матери, прожитые за долгие годы.

Поняв, что она ещё долго не придёт в себя, он положил мешочек у её подушки и снова вышел во двор работать. Хотя вся уборка уже была сделана, он вновь и вновь повторял одни и те же действия, лишь бы заполнить пустоту, разрывающую сердце.

Всё, что Чэнь Цин знал о Мэн Тао, он слышал лишь из чужих рассказов. До сегодняшнего дня он думал о нём как о живом, реальном человеке. Но теперь понял: всё это время он цеплялся лишь за тень незнакомца.

Стоило вспомнить, что он сделал сегодня, как стыд обжёг его изнутри. Когда его мать разрывалась от боли, он...

Он не мог даже подумать об этом. С силой ущипнув себя, он выронил веник и бессильно опустился у порога. На западе медленно заходило солнце. Тётя Сун так и не приходила в себя. Приготовленная Чэнь Цином еда остывала, снова разогревалась... и снова становилась холодной.

Когда окончательно стемнело, Чэнь Цин занёс в дом масляную лампу и вошёл в комнату.

— Мама.

Фигура на кровати не шелохнулась. Всё было так же, как и днём.

— Мама, прошу, встань и поешь хоть немного.

Он поставил лампу у изголовья, принёс кукурузную кашу и посмотрел на тётушку Сун.

Она не двинулась ни на волос.

— Мама, нам ведь всё равно надо жить дальше, — он сел рядом. — С сегодняшнего дня мы будем жить, как и раньше...

Не успел он договорить, как тётя Сун резко села. Она выбила миску из его рук, и каша расплескалась по полу.

Чэнь Цин понял: это была злость. Но её глаза были пусты. Он осторожно протянул руку:

— Мама, нам всё равно нужно идти дальше.

Тётя Сун больше не могла сдерживаться, она разрыдалась.

— Почему... почему все остальные вернулись, а Таоцзы — нет?!

(В китайской культуре добавление «-цзы» в конце имени делает его более ласковым и домашним)

— За что Небо так жестоко? Муж умер, когда я была ещё не старой... а теперь и сына забирает!

— У меня ничего не осталось. Совсем ничего!

Её больше не держали никакие силы. В истерике она начала крушить всё, до чего могла дотянуться. Этой ярости и боли не было выхода. И когда в доме не осталось ни одной целой вещи, она снова рухнула на пол, безутешно рыдая.

Чэнь Цин стоял рядом, не произнося ни слова.

Через долгое время тётюшка Сун поднялась, поправила волосы. Увидела мешочек на кровати, подняла его и взяла сына за руку.

— Ты ведь так и не встретил Таоцзы после того, как вошёл в нашу семью. Все эти пять лет тебе было нелегко.

Она высыпала серебро на постель.

— Ты хороший ребёнок, и ты ещё молод, — Чэнь Цину было шестнадцать, когда его привели в дом. Теперь ему было двадцать один.

— Все эти годы я только тянула тебя вниз. Это всего десять лянов, но на них можно начать новую жизнь... переселиться в другое место, жениться, наладить дело.

Чэнь Цин отодвинул серебро обратно к ней.

— Мама, что ты такое говоришь? Я уже в семье Мэн. Ты что, хочешь выгнать меня?

Тётюшка Сун словно постарела на десять лет за одну ночь.

— Но ведь вы с Таоцзы даже не встречались. Такой брак... он не считается.

Чэнь Цин покачал головой.

— Нет, мама. Мы были женаты. У нас есть брачное свидетельство.

Кажется, его слова что-то ей напомнили.

— Точно... брачное свидетельство. Нужно пойти к старосте и расторгнуть его.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но Чэнь Цин крепко удержал её. Тётя Сун не мыслила ясно. Всё, что она делала и говорила сейчас, было лишь отчаянной попыткой привести дела в порядок. Она до сих пор считала, что должна всё устроить так, чтобы он не остался ни с чем.

После долгой борьбы тётя Сун наконец стала обессилена. Она плакала и Чэнь Цин плакал

вместе с ней.

Они рыдали о своём горьком прошлом и о будущем, которое теперь стояло перед ними мрачным и неопределённым.

Когда тётя Сун успокоилась, Чэнь Цин убрал в комнате, сварил простую лапшу и приготовил для неё паровой яичный заварной крем.

Под тусклым светом масляной лампы он тихо наблюдал, как она ест кашу и заварной крем. Только тогда его сердце немного отпустило.

Этой ночью он даже не смел лечь спать. Сидел у дверей её комнаты, всё время клевал носом, боясь, что в его отсутствие она может натворить что-нибудь с собой.

На рассвете тётя Сун встала с постели, открыла дверь и увидела Чэнь Цина, свернувшегося калачиком на пороге. Её сердце сжалось. Она присела и посмотрела на его лицо, на котором всё ещё оставались юные черты.

В её памяти всплыл тот день в уездном городке, когда она впервые увидела Чэнь Цина в руках торговца людьми. Его мягкое, тонкое лицо было опущено так низко, что подбородок почти касался груди. Люди вокруг презрительно фыркали, говоря, что «он и трёх лянов не стоит». Но она тогда всё равно забрала его с собой.

Пять лет они жили, опираясь друг на друга. Давным-давно она стала считать Чэнь Цина своим ребёнком.

Он что, всю ночь сидел здесь, охраняя её, боясь, что она может сделать с собой что-то страшное? Но если бы она и правда умерла... что стало бы с ним? Он не был уроженцем этой деревни, да и теперь... вдовец. Как бы он выжил один?

Она осторожно коснулась его головы, и Чэнь Цин вдруг проснулся. Увидев рядом тётю Сун, он испугался и попытался резко подняться, но ноги за ночь занемели и не слушались.

Тётушка Сун поддержала его.

— Иди отдохни. Я приготовлю завтрак.

— Мама... — Чэнь Цин смотрел на неё, боясь отпустить.

Она похлопала его по руке, её голос всё ещё дрожал:

— Не волнуйся за меня. Поспи немного. Завтра пойдём в соседнюю деревню и найдём человека, который займётся похоронным угощением. Таоцзы нужно похоронить как следует.

Чэнь Цин кивнул и направился в свою комнату, одной рукой опираясь о стену. Через каждые два шага он оглядывался.

Но уснуть он так и не смог. Он окинул комнату взглядом. Когда-то здесь жил Мэн Тао, но с его переездом многое изменилось.

Бамбуковые занавески, которые он сам плёл, когда-то были свежего зелёного цвета, а теперь стали сухими и жёлтыми. Постель оставалась безупречно чистой, простыни всегда ровно натянуты: он следил за всем очень тщательно.

Справа стоял большой шкаф из камфорного дерева, разделённый на две части. Почти всё пространство занимали одежда и вещи Мэн Тао. Чэнь Цину достался лишь маленький уголок для его нижнего белья и зимней одежды.

У изножья стоял сундук, который тётя Сун приготовила ему к свадьбе. Там лежали его повседневные вещи и несколько вышивок. Зимой, когда не было полевых работ, он вышивал платочки и продавал их в уезде, чтобы хоть немного заработать.

Потирая затёкшие ноги, он взглянул вверх и увидел, как тётюшка Сун поднимает бамбуковую занавеску и входит в комнату, неся варёное яйцо.

Глаза Чэнь Цина расширились.

— Мама, что ты...

Тётя Сун выдавила слабую улыбку:

— Мы с тобой — вдова и сирота. Нам теперь нечего копить. Главное — жить как люди.

Под её пристальным взглядом Чэнь Цин съел яйцо. Тётя Сун взяла пустую миску:

— Ты вчера перебрал семена?

Чэнь Цин кивнул.

— Я потом посажу их на том маленьком участке, — сказала она. — А ты поспи. Проснёшься — приходи ко мне.

На мгновение Чэнь Цин даже не понял, что она сказала. Он никак не ожидал, что тётюшка Сун так быстро возьмёт себя в руки. Он не смел отпустить её одну.

— Тогда... пойдём сейчас?

Тётя Сун пыталась его отговорить, но не смогла, поэтому, в конце концов, согласилась. Они взяли корзины с вёдрами и вместе поднялись в горы.

Проходя мимо домов, они слышали громкие голоса — мужчины, вернувшиеся с войны, рассказывали семьям о пережитых трудностях.

Чэнь Цин украдкой взглянул на тётю Сун. Она лишь опустила голову и зашагала быстрее.

Они работали размеренно и молча. Вскоре все семена были посажены. Так как дождей не было уже несколько дней, им пришлось носить воду с Лохэ, поднимая её по горной тропе, чтобы полить новопосаженные грядки.

На горе они трудились в тишине. А внизу, в деревне, царило веселье.

В это время Чжоу Юань нашёл плотника, чтобы обсудить строительство нового дома, и уже собирался скоро начинать сам процесс. Деревенский староста, стоявший рядом, переминался с ноги на ногу, словно ему неловко было что-то сказать. Чжоу Юань сразу понял и предложил нанять работников из деревни, пообещав кормить их и платить по двадцать монет в день.

Все вопросы обсудили быстро. После этого Чжоу Юань повернулся, собираясь идти в уезд. Издалека он заметил ту самую женщину и того молодого человека — вдову и её зятя —

поднимающихся в гору с вёдрами.

Молодой вдовец всё ещё казался таким хрупким и тонким. Но шагал уверенно, по узкой тропинке, словно тяжёлые ведра ничего не весили.

Чжоу Юань долго смотрел на его уходящую фигуру. Когда силуэт юноши наконец скрылся за поворотом тропы, он отвернулся и покинул деревню, так и не оглянувшись.

<http://bllate.org/book/14422/1274901>